

Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай»

Новая анархия? Сценарии динамики мирового порядка

Иван Тимофеев

ru.valdaiclub.com
[#valdaiclub](https://twitter.com/valdaiclub)

Июль 2019

Данный текст отражает личное мнение автора или группы авторов, которое может не совпадать с позицией Клуба, если явно не указано иное.

ISBN 978-5-6043043-4-1

© Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2019

Российская Федерация, 115184, Москва,
улица Большая Татарская, дом 42

Об авторе

Тимофеев Иван Николаевич

Программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай», программный директор Российского совета по международным делам (РСМД), кандидат политических наук

Содержание

- 3 Введение
- 5 Мировой порядок и полюса силы:
один, несколько или ни одного?
- 11 Мировой порядок: новые параметры?
- 19 Сценарий 1.
Либеральный порядок: попытка адаптации
- 22 Сценарий 2.
Стратегическая автономия и новая многополярность
- 24 Сценарий 3.
Биполярность 2.0
- 26 Сценарий 4.
Новая анархия

Введение

Современная дискуссия о будущем мирового порядка в основном сводится к двум противоположным точкам зрения. Первая предполагает, что после окончания холодной войны мир окончательно перешёл к либеральному мировому порядку. Апологеты называют его «порядком, основанном на правилах», имплицитно подразумевая, что решающая роль в определении правил принадлежит сообществу западных государств. Стабильность порядка подкрепляется военным, экономическим и моральным превосходством Запада. Они избегают называть такой мир однополярным, делая акцент на том, что в либеральной модели выигрывают все, а значит дело не только и не столько в полюсах, сколько в эффективности правил игры и благе, которое порождается международной стабильностью и взаимозависимостью.

Вторая точка зрения прямо противоположна. Она допускает, что либеральный мировой порядок нестабилен и близок к состоянию кризиса. Её сторонники указывают на то, что он фактически является однополярным, то есть базируется на гегемонии США и их союзников. Однополярная модель, согласно этой точке зрения, вряд ли имеет исторические шансы. Её подрывает рост новых центров силы – стран БРИКС, Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и других. А также сомнительная эффективность правил игры, предполагаемых либеральной моделью. В качестве альтернативы они видят многополярный (полицентричный) мир – сообщество равноправных партнёров, демократичность которого обеспечивается ООН и другими международными институтами.

Интересно, что вплоть до недавнего времени на периферии дискуссии находились, как минимум, две других модели. Одна из них – мир без полюсов: хаотичный и быстро меняющийся порядок, война всех против всех, идущая рука об руку с крахом привычных институтов (от национального государства с его суверенитетом до привычного капитализма). Это сценарий острого кризиса, который ведёт не столько к новому балансу, сколько вообще к полной перезагрузке институтов, власти, способов производства и международных отношений. И хотя данная модель подкупает выходом за пределы шаблона, она оставалась в основном на страницах публицистики и академической литературы.

Другая модель – более привычна. Речь идёт о формировании новой биполярности. Ещё до недавнего времени она вызывала большой скепсис просто в силу отсутствия внятных кандидатов на роль второго полюса. В отличие от многополярности с её размытостью отношений соперничества и конкуренции, биполярность подразумевает противостояние двух конкретных лагерей. Поэтому её можно считать более структурированной и стабильной системой. Однако вплоть до недавнего времени мало кто хотел взять на себя роль лидера

в этой структуре. Все «претенденты» предпочитали отсиживаться в комфортном для себя постбиполярном мире, продвигая либо либеральную модель (ЕС, Япония, Южная Корея и др.), либо выступая за многополярность (Россия, Китай, Индия и др.), получая при этом вполне конкретные бонусы в существующем де-факто однополярном мироустройстве.

Проблема в том, что текущие международные реалии делают столь комфортную для всех среду всё менее возможной, заставляя формировать лагеря с перспективой выбора в пользу одного из них. Причём вопреки теории, ключевым разрушителем сложившегося постбиполярного порядка выступает вовсе не новый претендент, а глобальный лидер, который, по идее, должен был бы всеми силами цепляться за статус-кво. Мы являемся свидетелями уникального периода в международных отношениях, когда глобальный лидер активно трансформирует существующий порядок – то ли в силу желания управлять изменениями в свою пользу, то ли в силу явного или мнимого страха перед новыми центрами силы, то ли в силу серии сбоев в системе управления и порождаемых ими системных ошибок в принятии ключевых политических решений. Конечно, большим вопросом является долгосрочность происходящего. У некоторых есть соблазн списать разрушительные тенденции на эксцентричного американского президента и уповать на то, что после очередной смены власти в Вашингтоне всё вернётся в привычное русло. Однако размах происходящего говорит о том, что текущие тренды вряд ли останутся без последствий. Тем более, что крупные игроки уже не те, что были раньше: Китай слишком велик для старого порядка, Россия для него слишком напориста и самостоятельна, ЕС всё более автономен.

Для российской внешней политики происходящие изменения представляют собой нетривиальный вызов. Они же порождают и серию чисто исследовательских вопросов: какой будет конфигурация мирового порядка в будущем? Каких сценариев можно ожидать? Как адаптироваться или же как формировать желаемую альтернативу? Ответ на них будет крайне важен для дальнейшей трансформации российских доктринальных установок.

Основная проблема состоит в том, что общепринятая в России концепция многополярности сформировалась в 1990-х – начале 2000-х гг. под влиянием идей Е.М. Примакова и его школы, развивавшихся на протяжении нескольких десятилетий до этого. В свою очередь, российские идеи учитывали американские теоретические наработки 1960-х–1980-х гг. Иными словами, базовые идеи многополярности (и вообще полярности) возникли и сформировались ещё до начала текущих тектонических изменений. Впрочем, то же можно сказать и о западных теориях либерального мирового порядка, которые также возникли в другой реальности. Общая проблема российского и американского (шире – западного) подходов в том, что они описывают прошлое, но могут оказаться малопригодными для описания настоящего и будущего.

В рамках предлагаемого доклада мы попробуем обозначить возможные пути адаптации понятий полярности, многополярности и мирового порядка к новым реалиям международной жизни и сформулировать сценарии будущего мироустройства.

Мировой порядок и полюса силы: один, несколько или ни одного?

Понятие мирового порядка – одно из наиболее распространённых в международных отношениях. Зачастую оно используется для описания существующего баланса сил, иерархии и тех «правил игры», на основе которых строится мировая политика. Часто он описывается в терминах власти и господства: одни центры силы имеют большие возможности и влияние в сравнении с другими. При этом за место на вершине иерархии идёт постоянная борьба. Перерастанию такой борьбы во всеобщий хаос препятствует баланс сил, который и задаёт структуру мирового порядка. Вместе с тем мировой порядок может описываться и как «коллективное благо», когда стабильность и общие нормы делают мир более безопасным и предсказуемым. Строго говоря, обе эти интерпретации описывают мировой порядок как противоположность анархии или как способ избежать худшего сценария в виде войны между крупными державами.

Анархия в международных отношениях – сродни естественному состоянию, которое описывается в классических теориях государства¹. Государственная власть – единственный способ прекратить войну всех против всех. Через общественный договор государству передаётся монопольное право на насилие в соответствии с законами, в создании которых в той или иной степени принимает участие народ. Обладая монополией на насилие, государство становится ответом на проблему двойственной природы человека, сдерживая его «животное» и агрессивное начало.

Однако в международных отношениях отсутствует монополия на власть. Каждое государство играет само за себя. Нет «суверена», который стоял бы над всеми и принуждал бы к миру в случае войны. Государства никогда не обладают всей полнотой информации о намерениях и возможностях своих контрагентов. А значит, вынуждены жить в условиях «гоббсовского страха» – угрозы нападения со стороны других в любой момент. Безусловно, в международных отношениях заложено кооперационное начало – торговля, дружба и взаимопомощь. Однако сама возможность войны заставляет исходить из возможности худшего сценария. Возникает «спираль страха»

¹ См., например, Гоббс Т. *Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского*. Соч. в 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1991. – Главы XVII, XXIX.

и «парадокс безопасности», когда, стремясь обеспечить свою безопасность, государства всё более агрессивно наращивают свои потенциалы. В конечном итоге это оборачивается военным столкновением. В анархичном мире мощь и сила становятся единственным гарантом. Но наращивая мощь, государства нередко подрывают свою безопасность. Состояние анархии обрекает на бесконечную череду войн. Мир становится лишь передышкой между очередными конфликтами. Соответственно требуется такая система или порядок, которая позволяла бы выйти из замкнутого круга «парадокса безопасности»².

Либеральная политическая теория стала одной из мощнейших политико-философских доктрин, предлагающих своё решение проблемы анархии. В основе либерализма – допущение о безграничной силе человеческого разума. Либералы – антропологические оптимисты: человек по своей природе добр и созидателен. Его разум необходимо эмансипировать от иррациональных порядков и установлений. Общество можно организовать как совершенный «часовой механизм» свободных рациональных индивидов. Собственно война – одно из проявлений иррациональности, искажающей природу человека. Анархию нужно ограничить ясным и рациональным порядком. Он должен быть выражен на языке права, то есть иметь форму общественного договора, аналогичную той, что существует внутри государства.

Своеобразной «иконой» для либералов можно считать кантианский «треугольник мира» – совокупность трёх факторов, необходимых для укрощения анархии³. Первый – внутреннее устройство государств. «Демократии не воюют»: чем в большей степени народ имеет возможность влиять на принятие решений, тем меньше вероятность войны, так как именно народ несёт её тяготы и воевать желает в последнюю очередь. Второй – экономическая взаимозависимость. Чем крепче торговые узы между государствами, тем меньше стимулов для войны, ведь ущерб от неё тогда будет выше выгод. Третий – международное сообщество. Государства могут объединяться друг с другом в общих интересах. Кроме того, международное сообщество может единым фронтом выступать против стран-агрессоров⁴. Таким образом, решается проблема монополии на насилие: эта функция передаётся

² Здесь примечательны концепции дилеммы безопасности Джона Хертса и Герберта Баттерфилда. Они исчерпывающе описаны в работе Кеннета Буса и Николаса Вилера. См. Booth K., Wheeler N. *The Security Dilemma: Fear, Cooperation and Trust in World Politics*. – N.Y.: Palgrave MacMillan, 2008. – P. 1–18. Также необходимо упомянуть идею Роберта Джервиса. См. Jervis R. *Cooperation Under the Security Dilemma/ The Use of Force*// Eds Robert and Waltz Kenneth. – N.Y.: Rowman and Littlefield Publishers Inc., 2009. – P. 44–71. (Работа изначально опубликована в 1978 г. в журнале *World Politics*.)

³ См. Кант И. *К вечному миру*. Соч. в 6 т. Т. 6. – М.: Мысль, 1966.

⁴ См. подробнее: *Трактаты о вечном мире*. / Сост. И.С. Андреева и А.В. Гулыга. – М.: Соцэукгиз, 1963.

наднациональному органу, уполномоченному остальными принимать решения о войне и мире.

Либеральная теория мирового порядка стала важнейшим компонентом американской внешнеполитической доктрины. Несмотря на влияние консерваторов-реалистов все ключевые постулаты либеральной теории так или иначе представлены в ней: борьба за демократию, свободная торговля, международные институты. Впрочем, имплицитно это подразумевает лидерскую роль самих США. Симптоматично, что в либеральной картине мирового порядка понятие полюсов отсутствует. В либеральном порядке мир просто не может иметь полюсов за их ненужностью. Между тем и бесполюсным такой мир не назовёшь – стабильность порядка гарантируется лидерством и мощью США, что фактически делает его однополярным.

Теория либерального мирового порядка подвергалась атакам как слева – со стороны марксистов, так и справа – со стороны консерваторов-реалистов. Марксисты, как и либералы, исходят из того, что война – результат искажения природы человека, которое должно быть исправлено рациональной организацией мирового порядка. Но это должен быть качественно иной проект.

Так же, как и либералы, марксисты исходят из решающей роли человеческого разума в преобразовании мира. Война и анархия – проявление дефектов социального устройства. Его разумное исправление – залог решения проблемы. Но если для либералов основным инструментом является коррекция политического режима (демократии не воюют), то для марксистов само наличие государства является условием нарушения порядка. В идеале – исчезновение государства должно решить и проблему анархии в международных отношениях, равно как и проблему естественного состояния внутри государства. Ведь корень естественного состояния – собственность. Исчезновение собственности и неравенства автоматически приводит и к решению вопроса о естественном состоянии. На деле сам Маркс и его многочисленные последователи не спешили сбрасывать государство со счетов (см., например, *Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта/ Маркс К., Энгельс Ф. Полное собр. соч. Т. 8*). Этот тезис также обозначен в работе Т.А. Алексеевой (см. *Алексеева Т.А. Современные политические теории. – М.: Росспэн, 2001. – С. 39*). Государство, будучи надстройкой, может оказывать серьёзное влияние на базис социально-экономических отношений, выступать самостоятельной силой со своими собственными интересами. Неомарксисты (прежде всего, Антонио Грамши и Никос Пуланзас) существенно развили этот тезис, ставя либеральную аргументацию под большой вопрос (см., например, *Грамши А. Тюремные тетради/ Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. 2. «Зарубежная политическая мысль XX в.»./ Под ред. Т.А. Алексеевой. – М.: Мысль, 1997; Пуланзас Н. Политическая власть и социальные классы капиталистического государства. Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. 2. «Зарубежная политическая мысль XX в.»./Под ред. Т.А. Алексеевой. – М.: Мысль, 1997*).

Они сумели довольно убедительно показать слабость «либерального треугольника». *Демократии не воют и народы не хотят войны.* Возможно. Но как быть с «железным законом олигархии»? Как быть с национализмом и использованием энергии масс для разжигания войны? Как быть с конструированием идентичности и манипуляциями общественным мнением? *Войне препятствует торговая взаимозависимость.* Возможно. Но как быть со сращиванием интересов государственной бюрократии и крупных компаний? Как быть с империализмом и неоимпериализмом, с центром и периферией, с глобальным неравенством? *Миру способствуют международные организации и сообщества.* Да, но более сильные государства будут выстраивать их под себя, используя в своих интересах. Неомарксисты вообще избегают понимания мирового порядка как единой политической конструкции. Существует определенный мировой экономический уклад (миросистема)⁵. Проблема состоит в том, что либеральные нормы общежития, пригодные для сердцевины миросистемы, дадут совершенно иные, противоположные результаты на периферии. Например, демократизация в сочетании со слабой государственностью лишь ещё в большей степени закрепит периферийность страны.

Реалисты-консерваторы критикуют либералов с другой стороны. Они подвергают сомнению саму возможность рационализации международных отношений⁶. Мир слишком сложен и нелинеен для того, чтобы его можно было эффективно подчинить единой рациональной матрице⁷. Вместо умозрительных проектов государственная политика должна подчиняться прагматизму, здравому смыслу и опоре на опыт. Во внешней политике нет места социальной инженерии. Сила и мощь — основная валюта международных отношений. Каждое государство стремится к власти и гегемонии. Единственный способ защитить себя — балансировать силу других, создавать условия, при которых война будет слишком дорогой для агрессора⁸.

⁵ Валлерстайн И. *Рождение и будущая кончина капиталистической миросистемы: концептуальная основа сравнительного анализа. / Анализ мировых систем и ситуация в современном мире.* — СПб.: Университетская книга, 2001. — С. 23–25.

⁶ Достаточно ярко это положение обозначено в работах Рейнгольда Нибура, который для многих реалистов до сих пор является интеллектуальным авторитетом. Нибур, прежде всего, критикует социалистическую веру в безграничность разума. См. Niebuhr R. *The Irony of American History.* — Chicago: The University of Chicago Press, 2008. — P. 4; Niebuhr R. *Ideology and the Scientific Method / The Essential Reinhold Niebuhr: Selected Essays and Addresses*// Ed. McAfee, Robert Brown. — New Haven: Yale University Press, 1986. — P. 205–210.

⁷ Антропологический пессимизм — одно из базовых допущений также и в работах Ганса Моргентау. Объектом его критики стала либеральная политическая теория. См. Morgenthau H. *Scientific Man Vs Power Politics.* — Chicago: University of Chicago Press, 1946. — P. 51–52.

⁸ См., например, Carr E. *The Twenty Years' Crisis.* — London: Palgrave, 2001. — P. 102–120.

Дипломатия должна быть свободной от идеологии. Её цель — оптимальные компромиссы между государствами на основе их интересов. В такой картине мировой порядок — явление возможное, но временное. Речь идёт скорее о постоянной смене мировых порядков. Искоренить проблему анархии нельзя. Но государство обязано предпринять такие меры, которые защитят его от претензий остальных.

Интересно, что понятие полюсов выросло как раз в лоне реалистской и консервативной мысли. Она была наложена на холистский подход, в котором особый акцент был сделан на роль системы международных отношений. Иными словами, поведение государств зависит от того, каким образом организован международный порядок. Впрочем, либералы и марксисты предлагали свои холистские альтернативы. Либеральная мысль делает акцент на выдающейся роли глобализации и экономической взаимозависимости в снижении конфликтности между государствами. Новая структура мировой экономики перевела экономическую конкуренцию в конструктивное русло, в значительной степени оторвав её от силовой политики. На смену империализму с его иерархией пришли более гибкие сетевые структуры государств. Большая часть стран, образующая эти структуры, оказалась либо «старыми демократиями», либо успешными «транзитными демократиями». Появилось большое число международных организаций, снижающих «гоббсовский страх» и неопределённость. Само явление силы диверсифицировалось: именно либералам принадлежит современное прочтение понятий «мягкой силы» и «экономического искусства» во внешней политике. Неомарксисты и здесь представили сильные контраргументы. Периферия остаётся конфликтной и уязвимой. Применение силы развитыми странами против «изгоев» давно стало нормой. Проблемы развития стоят во весь рост. Её конфликтный потенциал никуда не исчез. И будучи частью мирового порядка она вполне может дестабилизировать «прекрасный и новый» либеральный мир. Возникают вопросы и к полупериферии — крупным развивающимся государствам, осуществляющим модернизацию «сверху»: до какого предела они будут согласны с существующими правилами игры? Куда будет направлена растущая мощь таких стран, как Китай или Индия?

Консерваторы (в редакции неореализма) как обычно выступили с иным видением. Военная мощь и сила по-прежнему являются главным мерилом лидерства международных отношений. Политику нужно отделять от экономики, хотя очевидно, что без развитой экономической и технологической базы военное превосходство невозможно. При этом международная система остаётся асимметричной: большое число слабых игроков и всего лишь несколько сильных. Именно сильные образуют вокруг себя коалиции

и составляют полюса мощи. Они могут позволить себе роскошь стратегической независимости или же относительной зависимости от других. Тогда как большинство находится в отношении зависимости от сильных. Многополярная система создаёт слишком высокую неопределённость – нескольким игрокам сложнее договориться. Однополярная система также потенциально нестабильна или кратковременна. Биполярная система – наиболее стабильна. Хотя также не вечна. Рано или поздно иерархия силы меняется, и задача любого государства – иметь на этот случай адекватный ответ.

Примечательно, что неореализм оказал сильное влияние на советскую, а затем российскую теорию международных отношений. В советское время он был свежим и относительно приемлемым дополнением к господствующей идеологии. В постсоветский период, с его кратковременным взлётом и последующим падением либерализма, – он, так или иначе, превратился в наиболее востребованную политическую философию. Наиболее влиятельным интеллектуальным и политическим последователем этой философии, конечно же, был Е.М. Примаков. Российская внешнеполитическая доктрина выстроена именно в категориях реализма: полярность, сила, мощь, национальный интерес, безопасность и прочее. Практически во всех ключевых российских доктринальных документах говорится о глобализации. Но вполне в духе реализма она как бы сосуществует, но не отменяет значимость национальных интересов и вопросов безопасности.

В постсоветский период понятие многополярности также превратилось в одно из ключевых для российского официального нарратива. С одной стороны, оно было удобным с точки зрения новой роли России в мире: Москва не могла и не хотела более выступать противником США, ведя затратную гонку вооружений. Но претендовала и реально соответствовала роли одного из влиятельных центров силы. В российском прочтении понятия многополярности также присутствовала возможность и необходимость равноправного диалога с другими странами и центрами силы. Идея равноправия делала концепцию многополярности привлекательной и для других партнёров Москвы. По крайней мере, Китай и Индия до сих пор считают многополярный мир наиболее желательной конструкцией.

В США картина была несколько иной. В американской внешнеполитической доктрине реалистское начало всегда было достаточно сильным: национальные интересы и вопросы безопасности традиционно занимали значимое место. Взгляд американцев на постбиполярный мир отличался от российского. Себя американцы были склонны считать победителями в холодной войне. С учётом значительного отрыва своих потенциалов от всех

остальных американцы уходили от вопросов равноправия, по крайней мере в вопросах безопасности. Однако понятия однополярности они также предпочитали избегать. Либеральная компонента во внешнеполитической доктрине США оставалась крайне выраженной и сильной, органично сочетаясь с консервативными основами. Демократия, права человека, свободная торговля и глобализация позиционировались как базовые ценности и производные от американской внешней политики. Они же цементировали легитимность лидерства США, будучи критерием справедливости мирового порядка. Если для россиян критерием справедливости выступало равноправие суверенитетов, то для США – свобода рынка и демократия. Важное отличие состояло в том, что США видели себя творцом и гарантом справедливости, тогда как Россия избегала этой роли, рассматривая суверенное равенство как аксиому международных отношений.

Иными словами, для россиян и американцев понятие полярности, да и самого миропорядка – принципиально разные вещи. Для первых многополярность важна сама по себе как критерий равенства и справедливости. Для вторых она носит второстепенный характер. В американоцентричном мире не так важно число полюсов. Важно само наличие этого порядка. Проблема в том, что обе точки зрения всё дальше уходят от реальности. Мир становится другим, требуя новых доктринальных рефлексий.

Мировой порядок: новые параметры?

Говоря о новых международных реалиях, есть соблазн свести их к качественно новым технологическим условиям. Действительно, за последние 20 лет мир довольно сильно изменился. Для международных отношений одним из критических факторов стала новая волна развития информационных технологий. Социальные сети и интернет сделали мир более прозрачным и плоским. Произошла качественно новая «декомпозиция времени и пространства». Беспрецедентная доступность информации сочетается со столь же беспрецедентным её переизбытком. Кажущийся плюрализм мнений перевешивается фрагментацией и поляризацией мнений и политических позиций. Интернет превратился в мощный ресурс групповой поляризации и «трайболизации». Пользователь технически может легко найти сторонников своей позиции, ещё больше сплачиваясь

КИБЕРФАКТОР МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Виды киберопераций

«Отказ в обслуживании»

Парализация компьютерной сети через одновременное «затопление» массивом данных с различных компьютеров

Шпионаж

Получение секретной информации

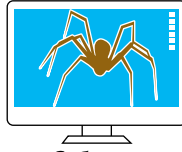
«Порча»

Преднамеренное изменение аккаунтов, сайтов, данных с целью нанесения вреда

Уничтожение данных

Использование вредоносного программного обеспечения с целью нанесения вреда данным

Саботаж

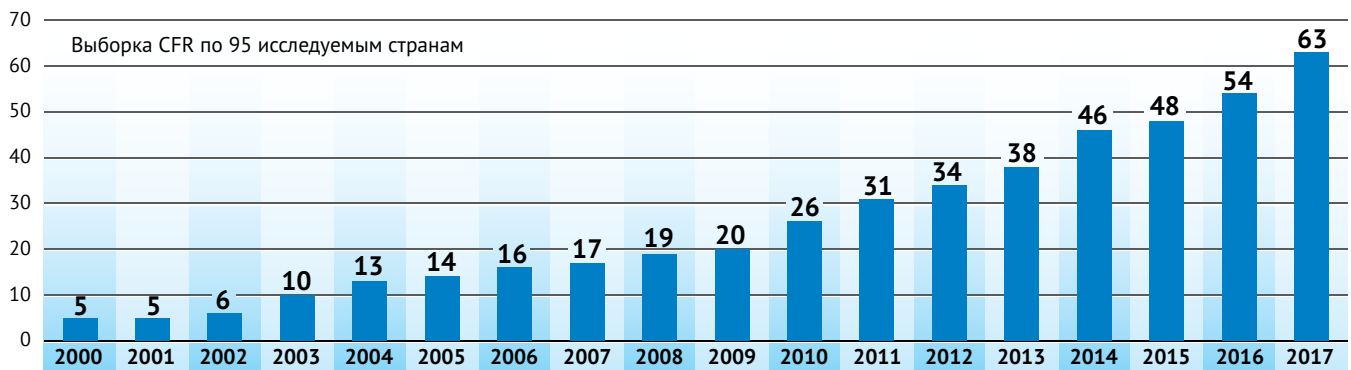
Использование вредоносных программ с целью причинения вреда физическим процессам

Доксинг

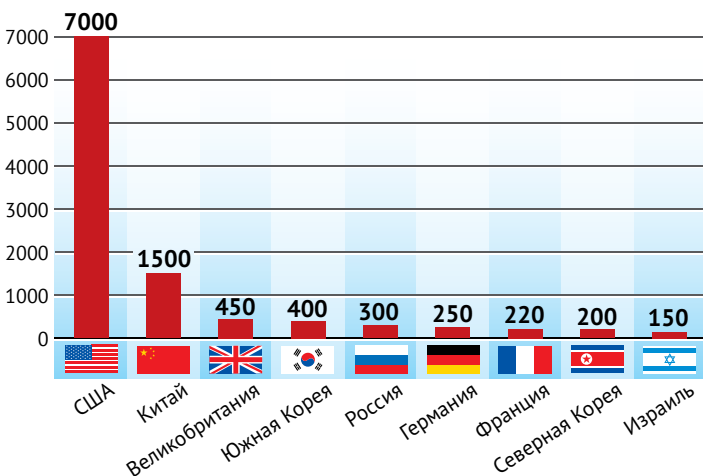
«Добыча» информации с целью последующей публикации или шантажа

Рост числа киберподразделений в военных структурах государств

Источник: Совет по международным отношениям (CFR).

Финансирование кибервойск (\$ млн/год)

Источник: Zecurion Analytics (2017).

Киберкомандование США (2010)

Войска информационных операций РФ (2017)

с ними против своих противников. Иными словами, новая информационная среда открыла горизонты для политической мобилизации, идеологической индоктринации, стигматизации «значимых других» и популизма всех мастей.

В международной политике изменения информационной среды долгое время оставались периферийным вопросом. Социальные сети показали себя мощным фактором мобилизации в революциях «Арабской весны». Радикальные исламисты получили за счёт интернета более совершенные механизмы вербовки и пропаганды. Цифровые технологии сыграли свою роль в «цветных революциях» на постсоветском пространстве. Однако до тех пор, пока все эти проблемы оставались на периферии, «международное сообщество» реагировало на них достаточно вяло, хотя на площадке ООН и за её пределами предпринимались попытки повлиять на растущие угрозы.

Настоящий кризис разразился после того, как глобальная информационная среда стала восприниматься как оружие и источник угроз в самих развитых странах. Когда американские конгрессмены и бюрократы сравнивают предполагаемое российское или китайское «вмешательство» в выборы с терактами 11 сентября или Пёрл-Харбором, они не только и не столько занимаются риторическими упражнениями. Скорее мы имеем дело с вполне искренним разрывом шаблона, с чувством уязвимости и незащищённости супердержавы, обладающей подавляющим и неоспоримым превосходством в цифровой среде. Ещё более необычно то, что взрывной эффект темы «вмешательства» был порождён крайне незначительными и эпизодическими инцидентами, получившими беспрецедентно непропорциональный резонанс. По всей видимости, происходящее в последние два года впору сравнить скорее с Карибским кризисом. Как и тогда, политические элиты оказались вооружены принципиально новыми технологиями (ракетами и ядерными зарядами). Как и тогда, отсутствовали «правила игры» – элементарные установки и «красные линии». Как и тогда, локальный инцидент породил глобальные последствия. Однако текущий кризис – более затяжной и значительно более опасный. Он вышел за пределы чисто внешней политики, затрагивая внутривнутриполитические струны. Это актуально и для США, и для России с её давними опасениями на счёт вмешательства в её суверенные дела, и для ЕС, и для Китая, который заблаговременно предпринимал меры по контролю за национальной цифровой средой и создаёт собственный «внутренний интернет».

Развитие цифровой среды породило новое качество анархии международных отношений. В привычной логике холодной войны страх и дилемма безопасности были связаны с военной силой, угрозой её применения, а также с идеологическим соперничеством. Вокруг этого восприятия долгое время формировались нормы и правила общежития. Сегодня военные потенциалы никуда не делись. Более того, идёт новая революция в военном деле, в том числе за счёт новых информационных технологий. Однако цифровая среда и общая деградация привычных идеологий разрушили привычные шаблоны восприятия проблем безопасности. Следствием становится размывание сдерживающих механизмов применения силы, которые существовали раньше. Вероятность её использования повышается. Горьким парадоксом для ветеранов холодной войны с её чёткостью правил, идеологий и норм, становится то, что теперь для кризиса достаточно заняться троллингом или создать фейковые аккаунты в социальных сетях, а не перебрасывать вооружения в «дружественные» страны вблизи границ вероятного противника или вести там серьёзную идеологическую работу. При этом кризисы в виртуальном пространстве приводят в движение вполне реальные военные машины. Выражаясь биржевым языком, цифровая тематика открыла поистине неисчерпаемое пространство для падения уровня отношений между великими державами. Новое «дно» оказалось значительно более глубоким, а «уровни поддержки» — слишком слабыми, чтобы остановить падение «котировок».

Другая особенность текущего международного расклада — разнообразие измерений или проекций мирового порядка. Мир уже давно не сводится только к силовой политике и вопросам безопасности, хотя они продолжают быть его значимой компонентой. Строго говоря, вопросы международной безопасности остаются прерогативой узкого круга держав. Так было уже давно и существующие политические теории адекватно описывали эту асимметрию. Признавали они и существование иных измерений за пределами силы. Однако внимание к ним было либо вторичным (в случае реализма и других консервативных теорий), либо сосредоточенным на специфических вопросах глобализации и взаимозависимости (в случае либеральных теорий). Между тем они оформились во вполне конкретные структурные блоки, специфика которых упускается из вида существующими взглядами на мировой порядок. Можно выделить, как минимум, два таких блока. Так же, как привычный силовой блок описывается в терминах «слабые-сильные», два других блока тоже можно описать в виде своих бинарных оппозиций.

Первая оппозиция — *развитые и неразвитые*. В мире оформился вполне конкретный структурный блок государств с высоким уровнем экономического развития, человеческого капитала и технических компетенций. Если в прошлом подобные потенциалы трансформировались в военную мощь или шли рука об руку с ней, то со времён холодной войны в среде союзников США сформировался уникальный кластер успешных государств, не претендующих на силовые амбиции. Проблема в том, что данный кластер в перспективе может оказаться перед непростым выбором: оставаться под зонтиком американских гарантий либо постепенно наращивать свою стратегическую автономию. Дрейф таких сообществ, как ЕС, или таких стран, как Япония, в сторону стратегической самостоятельности способен принципиально перезагрузить матрицу международного порядка. Сохранение привычного полюса «США плюс союзники» уже не выглядит как заданный сценарий.

В то же время в наследство от холодной войны современному мировому порядку достался и неразвитый мир. Речь здесь идёт не о развивающихся странах, многие из которых достигли впечатляющих успехов и огромных темпов роста, а о тех, кто бесконечно застрял в своём развитии. Многие из них тоже растут, но остальной мир растёт так же или быстрее. Строго говоря, судьба этих государств мало кого волновала серьёзно даже с учётом связанных с ними вызовов вроде терроризма, миграции, торговли наркотиками или международной преступности. Внимание к ним обострилось тогда, когда появилась возможность новых незападных проектов для таких стран. Например, растущая активность Китая в Африке и других регионах, в том числе в рамках концепции «общей судьбы», по всей видимости, вызывает растущее беспокойство и приковывает к этим странам более повышенное внимание, чем в тот период, когда после холодной войны они были в большей степени предоставлены сами себе.

Другая оппозиция — *государственность против демократии*. Вторая половина XX в. стала настоящим торжеством демократических режимов. Ряду стран удалось выстроить стабильные демократические системы в сочетании с крепкой государственностью — высоким качеством институтов, отсутствием внутренних конфликтов и эффективной внутренней политикой. Упомянутому выше кластеру развитых государств удалось вырваться из дилеммы «государственность–демократия», несмотря на ограниченный суверенитет в принятии внешнеполитических решений.

**Беспрецедентная
доступность информации
сочетается со столь же
беспрецедентным её
переизбытком**

Однако остаётся немало стран, для которых данная дилемма сохраняется. Существует кластер государств, которые формально являются демократиями, но уровень их государственности остаётся низким. На постсоветском пространстве к ним можно отнести, например, Молдавию и Украину. Свободные выборы и сменяемость власти сосуществуют со слабыми институтами, внутренними разломами и зависимостью развития от внешней помощи. Происходящие сегодня на Украине процессы вполне можно назвать «молдавизацией Украины».

Вместе с тем существует большое число государств, предпочитающих добиваться относительно сносной государственности авторитарными методами. Здесь можно наблюдать сравнительно высокую внутреннюю консолидацию, определённую эффективность институтов в модернизации «сверху» и сдерживании внутренних конфликтов. Проблема этих государств состоит в том, что попытка демократизации, необходимой для дальнейшего развития, может нарушить существующий статус-кво и вылиться в серьёзный кризис государственности со всеми вытекающими последствиями и для внешней политики. На постсоветском пространстве примерами могут служить Белоруссия и Казахстан. Из числа великих держав в такой проекции можно рассматривать КНР и Россию. В сравнении с ними, например, Индия находится в несколько более благоприятном положении. Здесь дилемма «государственность–демократия» актуальна в значительно меньшей степени, хотя во весь рост стоят вопросы развития.

«Короткие замыкания» в дилемме между государственностью и демократией способны приводить к тяжёлым международным последствиям даже в тех случаях, когда они происходят в небольших государствах. Украинский кризис выступает здесь ярким примером. Подобное «короткое замыкание» на уровне крупной державы способно приводить вообще к революционным изменениям мирового порядка, что наглядно показал развал СССР. Современные США, которые в теории давно минули ловушку дилеммы «государственность–демократия», представляют собой серьёзнейший вызов международной стабильности в немалой степени в силу внутривнутриполитических причин. Конечно, ожидать от США сценария советской дезинтеграции вряд ли приходится. Однако внутривнутриполитическая борьба в США сильно резонирует с международными процессами, усиливая неопределённость.

Наконец, следует отметить ещё одну важную характеристику. Большое число экспертов указывает на *нелинейность* современных

международных отношений. В доктринальных документах самых разных стран можно найти тезисы о растущей турбулентности и ускорении международной жизни. Тезис о нелинейности давно стал банальностью. В то же время само понимание нелинейности остаётся крайне размытым и аморфным. Под ней, как правило, имеется в виду нечто неопределённое и трудно предсказуемое. Между тем такое поверхностное понимание упускает из вида по-настоящему важные свойства. В конечном итоге даже линейный взгляд на мир вряд ли снимает проблему неопределённости. А значит, нужно сделать важные уточнения, которые позволят выявить нам действительно значимые параметры.

В строгом смысле слова нелинейность подразумевает непропорциональность причинно-следственных взаимосвязей. Например, такая взаимосвязь может наблюдаться между усилиями и результатом. Мы можем привести большое число примеров, когда малые усилия приводили к значительным результатам. И наоборот — значительные усилия давали ничтожные плоды или вообще отрицательный результат. Смысл нелинейности состоит в том, что, прилагая одинаковые усилия на разных этапах времени, мы можем получать принципиально разные результаты: вроде бы жили «как раньше», а результаты уже не те. Нелинейность порождается и тем, что многие процессы разворачиваются в определённой ресурсной нише. Понятие ресурсов здесь подразумевает самый широкий набор — от сугубо материальных (сырьё, финансы и др.) до нематериальных (общественная поддержка, доверие, вера в ценности, консолидация общества и т.п.). Важно и то, что для многих процессов ресурсные ниши являются «мягкими». То есть можно выходить за их пределы с помощью новых технологий, стратегий, способов мобилизации. Сам по себе выход за пределы ресурсных ограничений может порождать нелинейность — резкий прорыв вперёд или, наоборот, откат назад в качестве «платы» за перенапряжение сил.

Итак, соотношение усилий и ресурсных ограничений — два важнейших параметра, которые порождают нелинейность. Важнейшей характеристикой нелинейности является также и то, что один и тот же процесс может обладать принципиально разными свойствами динамики. Он может иметь характер стабильного и поступательного развития или же стабильной деградации. Он может иметь циклический характер. Или же вообще перейти в режим «динамического хаоса» с полной непредсказуемостью результатов (обычно это периоды войн и революций: кратковременных

Развитие цифровой среды породило новое качество анархии международных отношений

по историческим меркам, но критически важных для будущих периодов «стабильности»).

Для нас эта сухая теоретическая выкладка крайне важна. Не так важно, как именно мы видим мировой порядок: как «либеральный мир, основанный на правилах», как «многополярность» или как «плюралистическую однополярность». Важно то, что один и тот же порядок в разных режимах динамики может иметь принципиально разные параметры, а значит – определять принципиально иные исходы в сравнении с теми, что были заложены в него изначально. Очевидно, что либеральный порядок сейчас и в 1990-е гг. – две довольно разные системы, хотя в нормативном и даже институциональном плане мы понимаем под ними одно и то же. Сходным образом можно рассуждать и о многополярности. То, что прекрасно работало 20 лет назад, сегодня может порождать стагнацию и нестабильность. Например, падающая эффективность либерального порядка порождает усилия по его консервации и возвращению в «старые добрые времена». Однако состояние ресурсной базы, которая раньше делала его возможным и эффективным, сегодня может быть совершенно иным. Рост усилий лишь ещё больше раскачивает лодку. Проблема нелинейности состоит также и в том, что переход в «динамический хаос», как правило, носит скоротечный и слабо предсказуемый характер. То есть все чувствуют, что что-то идёт не так. Но никто не знает, когда именно произойдёт обрушение порядка. Зачастую оно носит характер катастрофы – внезапных, фундаментальных и всеобъемлющих потрясений.

С точки зрения нелинейности, существующий мировой порядок мало чем отличается от своих предшественников. Их динамика и последующая смена носили нелинейный характер. Однако сегодня цена трансформации может оказаться крайне высокой с учётом всех разрушительных возможностей современного «общества риска». Новые технологии, наличие разных проекций мирового порядка и его нелинейность весьма скромно отражаются в существующих доктринальных установках. Мы имеем дело с ситуацией, когда отрыв доктрины от реальности становится пугающе большим. Само по себе это – плохой симптом. Он показывает, что скорость изменений столь высока, что её рефлексия существенно запаздывает за ходом истории. А значит, запаздывают и адекватные политические решения.

Попробуем обозначить возможные сценарии перехода мирового порядка в новые «стационарные состояния» – более или менее стабильные правила игры, задающие новую логику международных отношений.

Сценарий 1. Либеральный порядок: попытка адаптации

Либеральный мировой порядок сегодня вне всяких сомнений переживает тяжёлые времена. Растут новые центры силы, президент США заявляет о примате национальных интересов над глобальным лидерством, осыпаются международные нормы и институты. По иронии либеральный порядок разрушается страной, которая стояла у его истоков и долгое время была его лидером. Тем не менее, любой сложной системе свойственно переживать кризисные явления. Она либо погибает, либо выходит из кризиса более сильной и адаптированной к новым реалиям. Такой сценарий вряд ли следует исключать, тем более что запас прочности у либерального порядка достаточно высокий. Его прочность определяется в том числе и тем, что сами США пока ещё не совершили окончательный разворот в пользу иной альтернативы, а их союзники и партнёры так или иначе предъявляют спрос на привычный и комфортный мировой уклад.

Адаптация либерального порядка может начаться с новым циклом президентской власти в США. Политический курс Дональда Трампа к настоящему моменту имеет огромное число противников как в самих США, так и за их пределами. Призыв к отказу от привычного понимания глобального лидерства в пользу патриотизма и «одионого плавания», давление на союзников, подрыв целого ряда режимов и институтов вызывают растущее раздражение. Можно предположить, что разворот к прежнему политическому курсу будет столь же радикальным, а возможно и превзойдёт радикализм самого Трампа. Вряд ли действующий президент США сможет надёжно затвердить свои инновации. Для этого у него слишком мало времени. Тем более, до сих пор окончательно не ясно, является ли подход Трампа реальным политическим курсом или же он представляет собой лишь симуляцию антиглобализма и возвращения к корням. В любом случае весьма вероятная победа противников Трампа в 2020 или 2024 гг. приведёт к самому решительному и показательному разрыву с его наследием. В ближайшие годы им остаётся лишь «переждать» действующего президента и дальше рассчитывать на то, что события вернутся в привычную колею.

В этом случае уже к середине 2020-х гг., в числе прочего, возможны следующие тенденции:

- Возвращение максимально полных гарантий безопасности союзникам США, отказ от «коммерциализации» американского зонтика безопасности. Последующее усиление военного присутствия США как в Европе, так и в Азии. Укрепление трансатлантической солидарности, в том числе с целью сдерживания России. Россия – удобный повод для консолидации, даже если реальная угроза с её стороны будет небольшой.
- Реставрация проектов зон свободной торговли в Азии и Евроатлантическом регионе. Перезагрузка глобалистской повестки США.
- Компромисс в отношениях с Китаем. Вашингтон в этом сценарии подспудно ведёт политику военного сдерживания Пекина, хотя и пытается упаковать её в менее радикальную форму. Однако экономическое давление на Пекин снижается. В целом новая американская дипломатия добивается размежевания Китая и России. «Сделка» с Пекином даёт больше возможностей для изоляции Москвы. США отказываются от одновременного сдерживания Москвы и Пекина, предпочитая разобрататься с ними по одиночке. Сначала – с Москвой. Потом, в случае необходимости, с Пекином. Китай выигрывает время и вполне может принять такой сценарий.
- Дальнейший рост давления на Россию. Тесная консолидация с ЕС по вопросам сдерживания и политики санкций в отношении Москвы, в том числе с целью смены власти в стране. Качественно новое усиление поддержки Украины и других «чемпионов демократии» на постсоветском пространстве. Ужесточение мер, принятых в отношении России в период президентства Трампа (даже с учётом того, что эти меры и так были достаточно жёсткими).
- Восстановление Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) – иранской ядерной сделки (в том случае, если Иран останется в рамках СВПД, несмотря на санкции). Выход Вашингтона из международной изоляции по СВПД. Одновременно – дальнейшее ужесточение позиций по корейской ядерной проблеме, которая к тому времени решена не будет.
- Полная и безоговорочная поддержка союзниками и партнёрами США возвращения к старому курсу.
- Сближение США с Индией, отказ от любых дискриминационных мер в отношении торговли с Дели.
- Избирательное усиление присутствия США на Ближнем Востоке, жёсткое сдерживание России в регионе.

Большой вопрос состоит в том, насколько адекватным будет подобный разворот? Сможет ли он решить накопившиеся проблемы и дисбалансы? Насколько долговременной будет политика восстановления либерального порядка? Вполне возможно, что на выходе его апологеты получат лишь симуляцию, искусно разыгрываемую политическими лидерами. И вполне возможно, что Трамп, Brexit, европейский популизм и другие явления – это не просто флуктуация, а симптом более фундаментальных и долговременных проблем. Тем не менее, сама вероятность либерального разворота представляется высокой, равно как и его поддержка многими влиятельными игроками.

Для России такое развитие событий чревато нарастающим давлением. Москве будет трудно маневрировать вследствие различий подходов США и ЕС. Будет сложнее опереться на Китай и ещё сложнее – на Индию и других партнёров. Возможно, что эйфория от реставрации старых порядков продлится недолго. Однако адаптация либерального порядка даже на некоторое время способна серьёзно усложнить жизнь Москве. Само по себе снижение турбулентности мировой политики, особенно в связке США–ЕС–КНР–Индия, закрывает возможность позиционирования России как «крепости», которая возвышается над хаосом и неопределённостью мировой политики. В более устойчивом либеральном мировом порядке влияние России может сократиться, а её изоляция станет более простой задачей.

Перед страной встанет непростой выбор между уходом в глухую оборону со всеми вытекающими последствиями для развития, но надеждой на то, что возрождение либерального порядка недолговечно. И между попыткой компромиссов с Западом с риском скоротечной сдачи позиций без всяких гарантий успешного роста и развития. Россия к тому времени вряд ли разорвёт связи с мировой экономикой, даже несмотря на санкции и попытки изоляции. А значит, возможности адаптации к обновлённому либеральному порядку, так или иначе, останутся открытыми. Дипломатия в стиле С.Ю. Витте (российский министр финансов в 1892–1903 гг., председатель Комитета министров в 1903–1906 гг.) – сохранение принципиальных позиций при самых неблагоприятных условиях – может оказаться востребованной вновь.

Кризисы в виртуальном пространстве приводят в движение вполне реальные военные машины

Сценарий 2. Стратегическая автономия и новая многополярность

Впрочем, попытка возвращения к либеральному мировому порядку может потерпеть фиаско. Конечно, либерализм и американское лидерство станут знаменем многочисленных противников Трампа. Они вполне могут встретить горячую поддержку в среде союзников. Однако новые реалии международных отношений грозят быстро развеять либеральный идеализм. Китай и Россия – два «хорошо вооружённых джентльмена» – слишком крупны или слишком строптивы для старого порядка. Европейский союз всё более самостоятелен, хотя и не спешит с разрывом трансатлантических связей. Япония, оставаясь союзником США, постепенно уходит от привычной политики, становясь более мощным военно-политическим игроком. Индия идёт своим традиционным курсом неприсоединения. Да и сами США всё меньше склонны координировать свои действия с союзниками. Восстановить лидерство в создании новых торговых альянсов оказывается сложным, несмотря на сохраняющийся у американцев высокий экономический потенциал и привлекательность США для инвестиций.

При таком развитии событий в числе ожидаемых следует рассматривать следующие тенденции:

- Происходит перезагрузка трансатлантических связей, в том числе направленных на сдерживание России. Москва по-прежнему выступает консолидирующим фактором для НАТО. Альянс остаётся мощной военно-политической организацией. ЕС играет подчинённую и второстепенную роль для НАТО. Тем не менее, Союз укрепляет и развивает собственные институты внешней политики и безопасности.
- Украинская проблема не решена. В то же время постсоветское пространство превращается скорее в «токсичный» актив для Запада: многочисленные вложения нивелируются коррупцией и слабостью институтов. Продвижение евроатлантических институтов безопасности на Восток ограничено. Однако ЕС ведёт активную политику экономического притяжения постсоветских стран.

- США испытывают сложности в формировании новых торгово-экономических режимов в Европе и в Азии. Сказывается «наследие Трампа», желание игроков оставлять за собой свободу рук, неспособность США предложить выгодные условия.
- Предложенная Вашингтоном сделка по нормализации отношений с Пекином не срабатывает. Китай рассматривается американцами как стратегическая угроза. Однако высокий уровень экономических связей не подорван. Вашингтон крайне осторожен в политике санкций и торговых войн, направленных против Пекина. Китай сохраняет выгодные для себя отношения с США, но оставляет полную свободу рук во взаимодействии с Россией и другими партнёрами. США вынуждены одновременно сдерживать и Россию, и Китай. Однако военного альянса между Москвой и Пекином не возникает, что резко снижает для США угрозу «двойного сдерживания».
- Попытки США организовать единый антироссийский фронт проваливаются. Эскалация санкций не поддерживается ЕС. Сотрудничество с КНР компенсирует американские санкции. Хотя Китай от такого сотрудничества получает свою выгоду. У России остаётся широкое пространство для манёвра.
- Иран успешно обходит американские санкции и ограничения. Несмотря на союзническое взаимодействие с США, ЕС сохраняет отношения с Тегераном и фактически гарантирует выполнение СВПД. КНР и Россия поддерживают ЕС, хотя ведут самостоятельную политику в отношении Ирана. Северная Корея – де-факто ядерная держава. Многосторонние санкции ООН не срабатывают.
- Россия продолжает активно действовать на Ближнем Востоке. Свою роль в регионе наращивает Китай, запустивший масштабные программы восстановления сирийской экономики, а также продвигая гуманитарные проекты в других странах.

Ключевое отличие многополярности от нового либерального порядка – в наличии растущих центров силы, для которых стратегическая автономия или движение к такой автономии становятся более привлекательными в сравнении с американским лидерством. Строго говоря, в таком мире нет организующих принципов или идей. Но в нём также нет анархии и хаоса. Главный вопрос, насколько долго может существовать такой порядок и может ли он в принципе быть устойчивым?

Для России с её внешнеполитической повесткой подобная многополярность, на первый взгляд, более благоприятна. У неё больше

**Сохранение привычного
полюса «США
плюс союзники»
уже не выглядит
как заданный сценарий**

пространства для манёвра, больше возможностей капитализировать свои сильные стороны (военную силу и мощь), бóльшую сопротивляемость к изоляции. Однако такой мир едва ли менее жесток в сравнении с либеральным порядком. В многополярности каждый борется за свои интересы, неопределённость выше, а ошибки никто не простит, даже если объявить приверженность каким-либо нормам. Цена ошибки возрастает с учётом проблем внутреннего развития России. Здесь потребуются политика в духе А.М. Горчакова (глава русского внешнеполитического ведомства в 1856–1882 гг.), тонко балансирующая интересы и способная добиваться серьёзных политических результатов при скромных экономических ресурсах.

Сценарий 3. Биполярность 2.0

Сценарий новой биполярности порождается растущим давлением США на Китай и попыткой Вашингтона в превентивном порядке заблокировать военно-политическую мощь Пекина. К тому же «китайская карта» разыгрывается во внутривосточной конкуренции. Независимо от того, кто становится президентом США в 2020 и 2024 гг., противостояние США и КНР становится необратимым. Торговая война подрывает экономическую взаимозависимость двух стран. Вашингтон вводит против Пекина санкции, постепенно расширяя их номенклатуру. Китайская сторона отвечает болезненными контрмерами. Ускоряется гонка вооружений в Азии.

Происходящие процессы создают угрозу устойчивому экономическому росту Китая. Развитие военно-промышленного комплекса и производство военной продукции становятся важным фактором компенсации торможения экономики. Вместе с тем оно подпитывает гонку вооружений, расширяет её ресурсную нишу, делает крайне сложным разворот политического курса. В идеологическом плане Китай продвигает альтернативное видение мироустройства. При таком развитии следует ожидать следующих тенденций:

- Консолидация США с союзниками в Азии. Страны региона поставлены перед жёстким выбором – либо США, либо Китай. Разорвать плотные торговые связи крайне сложно. Однако растущая политическая конфронтация оказывает на бизнес растущее давление. США прилагают активные усилия по вовлечению в антикитайскую коалицию Вьетнама и Индии.

- Консолидация Китая и России. На фоне растущего давления со стороны Вашингтона Пекин и Москва формируют военно-политический союз.
- ЕС пытается остаться над схваткой, не желая терять выгоды партнёрства с Китаем, а также наращивать конфронтацию с Россией. Тем не менее логика стратегической взаимозависимости мешает ЕС сохранить нейтралитет. В Европе резко усиливаются антикитайские настроения.
- Китай и Россия фактически саботируют санкции против Северной Кореи.
- Китай и Россия поддерживают Иран. Китай ведёт активную политику в Африке, на Ближнем Востоке, Латинской Америке и воспринимается как конкурент западному присутствию.

Преимущество новой биполярности для России состоит в возможности гарантированно преодолеть дипломатическую изоляцию, существенно усилить свою безопасность за счёт союза с Китаем. Сама система может оказаться устойчивой с учётом высокого потенциала сдерживания у обоих полюсов. России проще преодолеть экономическое давление США и союзников.

Очевидный недостаток – существенное сокращение пространства для политического манёвра. В связке с Китаем у России будет роль младшего партнёра. Отношения с Пекином в области экономики будут асимметричны, причём роль Москвы будет значительно более зависимой. Аналогичная ситуация может сложиться со временем в военно-политическом отношении. В случае конфликта Китая и США России почти автоматически придётся вступать в конфликт со всеми вытекающими рисками. В идеологическом плане у Москвы также вряд ли будет инициатива – ей придётся идти в русле задаваемых Пекином координат. Россия при таком сценарии напоминает «хорошо вооружённую Канаду» – крупную и достаточно развитую страну, более значимую в военном плане, но зависимую от старшего партнёра.

С учётом внешнеполитических традиций, сама Москва может отказаться от своего участия в новом биполярном мире в качестве части одного из полюсов. А если Россия и примет такой сценарий, то ей потребуются искусство А.П. Извольского (российский министр иностранных дел в 1906–1910 гг.) и С.Д. Сазонова (министр иностранных дел в 1910–1916 гг.) для отстаивания собственных интересов в условиях жёсткой стратегической взаимозависимости. Главное в этом сценарии – не повторить судьбу России эпохи упомянутых министров.

**«Короткие замыкания»
в дилемме между
государственностью
и демократией способны
приводить к тяжёлым
международным
последствиям**

Сценарий 4. Новая анархия

Специфика сценария состоит в том, что реализоваться он может в силу совершенно разного набора случайных событий – военные инциденты, кибератаки, техногенные происшествия, террористические акты, региональные конфликты. Однако сценарий предполагает один исход: крупный международный конфликт с участием ведущих мировых держав с использованием широкого набора вооружений, влиянием на значительное число стран, стрессовым воздействием на мировую экономику и фундаментальными последствиями для будущего расклада сил. Как минимум, можно рассматривать несколько возможных форм катастрофического сценария.

- Намеренный или ненамеренный инцидент с участием российских и американских военных, который приводит к неконтролируемой эскалации. В настоящий момент наиболее вероятным местом подобного инцидента является Сирия. Они возможны в регионе Чёрного и Балтийского морей, а также в любой точке соприкосновения военных двух стран. Инцидент с участием россиян и страной-союзником США возможен, однако риск эскалации в этом случае представляется меньшим. Катастрофа происходит в силу быстрой эскалации конфликта. Его необратимости способствуют скорость обмена ударами, невозможность выхода из конфликта без потери лица, высокий уровень недоверия, наличие заранее подготовленных вариантов действий в подобных ситуациях. Региональный конфликт приводит в движение военные машины обеих сторон с вероятностью использования тактического ядерного оружия и дальнейшей эскалации до полномасштабного ядерного конфликта.
- Кибератака против одной из держав, следствием которой становится масштабная техногенная катастрофа с большим числом жертв. Атрибуция атаки с Россией или Китаем. Ответные действия против них (независимо от реального источника). Эскалация ударов в цифровой среде сначала в ограниченный, а затем в масштабный вооружённый конфликт. В случае цифровой атаки против России или Китая вероятность эскалации представляется меньшей.

- Инцидент в Южно-Китайском море с участием китайских и американских боевых самолётов или кораблей. Ограниченный и по замыслу скоротечный военный конфликт с целью уничтожения китайской военной инфраструктуры на спорных островах. Затягивание конфликта и его переход в затяжное военное противостояние КНР и США с риском использования ядерного оружия. Обратимость эскалации данного конфликта представляется более высокой в сравнении с российско-американским столкновением. Однако исключить его эскалацию также нельзя.
- Конфликт в результате неверной интерпретации намерений и планов сторон. Он может стать повторением сценария 1983 г., когда проведение крупных военных учений было интерпретировано как начало военной агрессии и существенно повысило риск эскалации. С учётом значительно менее стабильных механизмов коммуникации между Россией и США в сравнении с холодной войной такой вариант вполне может стать реальностью.

Дебютная часть каждого из этих вариантов возможна, однако развитие в неуправляемую катастрофу – маловероятно. Очевидно, что существует и множество других вариантов. Тем не менее исторически большинство катастроф рассматривались современниками как маловероятные. При этом их последствия имели глобальный характер.

В сценарии новой анархии все игроки несут издержки. В случае ядерного конфликта потери грозят быть невосполнимыми. Даже крупный конфликт с использованием обычных вооружений наверняка приведёт к параличу мирового хозяйства, финансов, транспорта и других важнейших благ.

Россия в сценарии анархии имеет потенциал для выживания. Однако в сравнении с другими крупными державами (США, Китай) находится в более уязвимом положении, особенно если конфликт примет затяжной характер. Здесь потребуется уже сталинская стилистика, хотя готовность современного российского государства и общества к подобной скоротечной трансформации далеко неочевидна.

Новые технологии, наличие разных проекций мирового порядка и его нелинейность весьма скромно отражаются в существующих доктринальных установках

Все четыре сценария, конечно, являются «идеальными типами». Возможно множество других вариантов. Важным представляется то, что в сценарий анархии можно попасть из любой из трёх других альтернатив – либерального порядка, новой многополярности и новой биполярности. Сценарии не исключают друг друга – они могут последовательно меняться. Например, попытка восстановления либерального порядка, далее переход в новую многополярность в результате неудачи нового либерального проекта, далее переход в биполярность как более устойчивую структуру.

В каждой из альтернатив у России есть свои риски и возможности. В многополярной – их соотношение представляется оптимальным, хотя жизнь в таком мире всё равно будет не из лёгких. Кроме того, многополярность может оказаться неустойчивым сценарием с тяготением либо к биполярности, либо к монополии одного проекта. Впрочем, либеральный мировой порядок или биполярный мир не закрывают перед Россией возможностей, хотя они чреватые болезненной трансформацией, потерями и трудной адаптации к внешней среде.

Тревожным сигналом является то, что у крупных игроков сегодня отсутствуют надёжные механизмы взаимодействия на случай реализации худшего сценария. Лучшим вариантом стороны всё в большей степени считают сдерживание со всеми вытекающими последствиями в виде «спирали страха», «ловушки Фукидида» или «парадокса безопасности». Война по глупости в такой ситуации вполне возможна. Случайность обстоятельств и ничтожность поводов вряд ли извинят возможные жертвы и издержки.

 ValdaiClubRu
 ValdaiClubRu
 t.me/valdaiclub
 ValdaiClub
 valdaiclubcom
valdai@valdaiclub.com

СОВЕТ ПО ВНЕШНЕЙ И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ

Российский совет
по международным
делам

МГИМО
УНИВЕРСИТЕТ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ